

«Шинель» — как Солярис, способна извлекать потаенное с донных слоев души. Для нас, вышедших из гоголевской «Шинели», время войти в нее вновь никогда не проходит».

ЗРИТЕЛЬ

Моск. новости — 2003 — 15 дек — с. 27

Эксперимент

Вначале был замысел. Замысел был у Роста. В сущности, он — часть самого Юрия Роста, для которого нет писателя важнее Гоголя, а Башмачкин — суть каждого из нас.

РОСТ

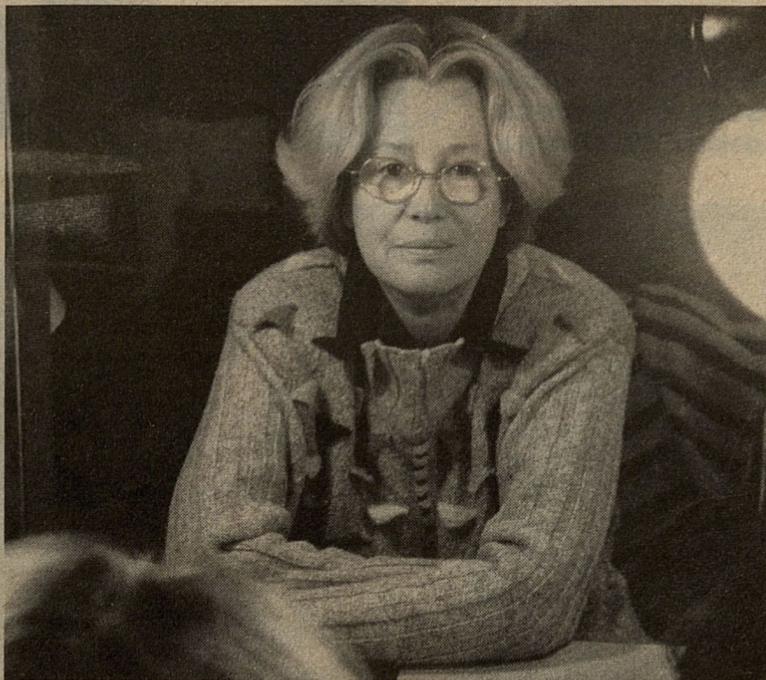
Неутомимый странник, естествоиспытатель творческих моделей жизни, Рост придумал поставить «Шинель» на сцене. Роль Башмачкина предложил... Марине Нееловой.

— Женщина Акакий Акакиевич, старик или дитя, не важно, он — существо. Разве у ангела есть пол? Он трудится, он не знает, что он ангел. Только физическая его смерть и вторая жизнь показывают нам, что он — ангел. Но главное, он труженик.

Встречаясь по обе стороны Чистых прудов, то в «Современнике», то в «Конюшне», мастерской Роста, Юрий Михайлович и Марина Мстиславовна сочиняли спектакль, его повороты, детали. Со временем замысел окреп, превратился в концепцию.

— Миссия Башмачкина — утверж-

На русской сцене такого не было. Башмачкин Марины Нееловой и Валерия Фокина призван отчистить от пыли трактовок великую повесть Николая Гоголя. Репетиции «Шинели» в Центре имени Всеволода Мейерхольда начались на прошлой неделе. Наш обозреватель Марина Токарева стала их единственным свидетелем

В примерной без грима снял Юрий РОСТ звезду, уставшую после спектакля

КАК ВОЙТИ В «ШИНЕЛЬ»

дение человеческого в этом механическом мире. Мессия вовсе не обязательно должен знать о своей миссии. Это мы знаем, а он нет. Он живет жизнью нормального естественного человека и строит этот мир из букв. (А Господь, собственно, из чего строил мир? В начале что было?)

Шинель — это Храм, и он строит его из себя, из своих потерь, жертвований, унижений. Из собственных кирпичей.

Неелова начала грустить и задумываться о воплощении.

И вдруг на кинофестивале в Выборге Юрий Рост встретился с Валерием Фокиным. Разговор естественным образом зашел о Гоголе: Фокин репетировал «Ревизора» в Александринке. Рост рассказал о своей идее. При словосочетании «Башмачкин-Неелова» (ваш корреспондент тому свидетель) глаза Фокина полыхнули зеленым светом. Блестящая парадоксальность решения оказалась «заразной». С этого момента событие, существовавшее в воображении, двинулось к театральному воссозданию.

Первая репетиция «Шинели» состоялась в Центре имени Мейерхольда 30 ноября.

ФОКИН

Свои отношения с бытием Фокин не впервые будет выяснять с помощью Гоголя. «Шинель» станет его восьмым гоголевским спектаклем. Пожалуй, можно говорить о феномене прочтения, цельном мире. Главное в нем — присутствие Необъяснимого, характеры, искривленные иррациональным пространством, одиночество.

Входя в черный квадрат репетиционного зала (черные стены, потолок, стулья), Фокин цепко вглядывается в Неелову, заново ее изучает. Со спектакля «Валентин и Валентина», поставленного им по пьесе Рождина, некогда началась для Марины Нееловой жизнь и судьба в «Современнике». Вместе они не работали больше двадцати лет. Встретились, когда самым существенным для обоих стало освоение новой территории театра.

Фокин вчерне набрасывает партитуру, ход будущего спектакля.

— Для меня главный герой «Шинели» не Башмачкин. Главный герой — пространство. Оно может закрутить, завьюжить, уничтожить. Это наше пространство, мы в нем живем.

Башмачкин, самый обычный человек, вдруг становится объектом соблазна. Пространство подхватывает его, кружит, швыряет. Шинель материализуется, очеловечивается. Ради нее он идет на жертвы, вырастает, становится личностью. И когда у него все это отнимают, умирает, превращаясь в страшный фантом.

Первый кусок, начало: ежедневная, монотонная жизнь. Просыпается, умывается, бормочет что-то... Без слов. А шинель стоит, как памятник, в нее можно войти, жить в ней. И вдруг обнаруживаются дыры: просовывается рука, проваливается нога.

Первый произносимый текст — с Петровичем. Фигура Петровича огромна, не портной — бог, хозяин жизни. Башмачкин говорит, Петрович безмолвствует. Мы не видим его лица, только живот и босые ноги. Он произносит только одну фразу, как удар молнии: «Ничего нельзя сделать. Надо новую!» И исчезает. А у Акакия шок, отчаяние, ужас.

Но постепено мысль о новой шинели становится страстью, овладевает им все больше и больше. Он прикидывает, от чего сможет отказаться: не отдавать стирать белье, ходить на цыпочках, чтоб не изнашивать обувь, голодать. Возникает поразительная фраза: «Зато духовно сыт буду!»

Актриса перебивает режиссера:

— Скажи, а как шинели соразмеряются по величине, старая и новая?

— Новая меньше. Нужно, чтобы она могла его запахнуть, обнять и в какой-то момент от него отделиться.

— Но тогда старая будет превалировать?!

— И хорошо! Она — конура, знак старой жизни. А новая — любовь! Она живет, двигается. Во второй части должен быть бал — во дворце, на Неве, шинель в самой гуще, танцует!

Для спектакля сценограф Александр Боровский придумал стеклянную, в изморози, стену, за нею сложное движение теней.

Об эту стеклянную стену Башмачкин будет биться, когда произойдет его перевоплощение. Начнется буря, страшная кофакония звуков, крики — и сквозь все это надо всем прозвучит: за что вы меня обижаете, я ведь брат ваш.

— У Лермонтова есть фраза, которая меня всегда поражала: «... и пусть меня накажет тот, кто изобрел мое рождение!» Такой счет, такая гордость! Мы ведь существуем — и Гоголь все время напоминает нам об этом — по меньшей мере в двух слоях. Бытовом и каком-то ином, где есть взгляд на нас — сверху, сбоку. «Шинель» — об этом.

В нынешнем году Фокин тоже примерил новую «шинель», став художественным руководителем петербургской Александринки. Того самого театра, в котором Гоголь читал «Ревизора» и в котором среди многих теней затерялась и эта, длинноносая, странная.

НЕЕЛОВА

...Неелова натягивает на голову чулок. И вместе с пышными волосами

разом скрывается победительная женственность. На место примадонны русской сцены является бесполое существо: белые пушистые брови (обесцвеченные, чтобы легче было нарисовать любую, нужную для роли линию), беззащитно-трогательные оттопыренные уши, лицо с кулачок. Художественная смелость актрисы, готовой отринуть свой пол и облик, похоже, безгранична.

— Чем дальше от себя, тем интереснее. Счастье моей профессии — побег от себя. В жизни ты не можешь, как Акакий Акакиевич, быть одновременно и не женщиной, и не мужчиной, стариком и ребенком в одном лице. Только на сцене. Тут проживаешь то, что тебе никогда не будет дано в действительности. В этом случае дистанция — огромная. Но и пересечения есть.

«Странные сближения» в самом деле существуют. У Калинкина моста в Петербурге, где, потеряв шинель, метался несчастный Башмачкин, Неелова провела юность. В буфете, пока мы ждем супа, она вспомнит: ее заставляли переписывать всю тетрадь прописей, если хоть одна буква была выведена не идеально. Образцовые работы по чистописанию первоклассницы Марины Нееловой лежали на школьной выставке. И как для Башмачкина мир состоит из букв, так для Нееловой — из подробностей, деталей, ощущений — всего, что может понадобиться для игры.

— Ты никогда не знаешь ключа, которым откроется дверь! Когда я работаю над ролью, я придумываю все: внешность, поведение, привычки. Складываешь, строишь. Постоянно следишь за собой и за всем, что происходит.

Однажды на похоронах подходит ко мне дочь покойного. Улыбается, но зубы стучат так, что не может говорить. Машинально произношу что-то и одновременно отмечаю: да, и так может быть! И стыдно за себя — у человека горе, а я за ним наблюдаю: какой бывает реакция при утрате... Эта способность взгляда брать все, что пригодится, может казаться жестокой, даже циничной, но она — часть меня.

Стать Башмачкиным Нееловой должен помочь не только талант — тип отношений с реальностью. Марина Неелова в жизни будто и не знакома с Мариной Нееловой на сцене. Между ее безжалостной самооценкой и впечатлением, производимым на окружающих, нет никаких точек сохождения. Закрытая до надменности, вежливая до неуловимости, колючая Неелова — робка и стеснительна. Страх и сомнения — ее вечные спутники.

«Ерунда, поза!» — скажет недоверчивый читатель-зритель. В самом

деле, странно допустить, что создательнице Елизаветы Английской, Любви Раневской, Александры дель Лаго, этой сладкоголосой птице вечной юности, знакома неуверенность. Но взгляните на Неелову вне сцены: летучая походка, вечно озябая спина и взгляд за стеклами очков — отважно-несчастливый. Мало найдется людей, способных судить себя так беспощадно. Главный груз Марины Нееловой — она сама.

— Боюсь любой роли, этой особенно. Есть рассказ про американского космонавта, который был на Луне. Вернувшись, он однажды вышел на балкон, увидел Луну и потерял сознание. Вдруг осознал, что был там! Отсутствие страха, я думаю, это отсутствие фантазии.

Слышу: Акакий — и у меня вздрагивает внутри. Как у лошади бывает: что-то будто пробежит под кожей. Так начинается роль: дрожь, ужас, состояние, похожее на влюбленность.

...Она надевает бесформенные штаны и рубаху, опускается на пол и замирает, похожая на странного зверька. Чертит в воздухе слово. Медленно, наслаждаясь, выводит каждую линию, то хмурясь, то радуясь. Степень концентрации внутренней жизни такая, что заставляет следить неотрывно, затаив дыхание. Вдруг Фокин заставляет очнуться:

— Вот-вот, именно так! Двенадцать минут!

Показалось — две.

— Иногда думаю: может, и достаточно уже, наиспыталась. Надо дома посидеть тихонечко, в углу, в круглых очечках, кремом намазаться, книжечку взять... Сажусь. И дочехидна тут же говорит: «Как ты, мамунчик, по-нищенски сидишь. Бомжуешь, мамунчик?!»

В этом сезоне Марина Неелова «бомжует» то в Москве, то в Гааге. Играет новую роль в жизни. Супруга посла России в государстве Нидерланды должна уметь вести дом, поддерживать диалог с королевскими особами, быть украшением приемов. Впрочем, жен, способных сыграть Башмачкина, у российских дипломатов еще не бывало.

— Больше всего я хочу, чтобы Фокин вывернул меня наизнанку. Как перчатку!

Крупнейший мастер по созданию иллюзий на сцене и виртуоз по их разрушению в жизни, Неелова сегодня пускается, может быть, в самое трудное из своих «путешествий».

...«Шинель» — как Солярис, способна извлекать потаенное с донных слоев души. Одного она заставляет строить Храм. В другом — обостряет ужас богооставленности. Для нас, вышедших из гоголевской «Шинели», время войти в нее вновь никогда не проходит.

Марина Неелова
15.12.03